



НОВАЯ ГАЗЕТА

ПОРТРЕТ ЯВЛЕНИЯ • ОБЩЕСТВО

Имя им – Легион

«Госизменники» из телеграма – как их судят, как пытают и как отличить их от тех, кто действительно завербован Украиной



Фото: ЦОС ФСБ РФ / ТАСС

10:05, 8 сентября 2025,

Виктория Артемьева

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →



О том, что такое «Легион «Свобода России»*, следящая за судьбами политзэков часть несвободной страны узнала после того, как в июне 2024 года посадили тогда еще четырнадцатилетнего Арсения Турбина. Его обвинили как раз в сотрудничестве с «Легионом» — в том, что он пытался вступить в это объединение и по указанию телеграм-кураторов оттуда раскладывал по почтовым ящикам оппозиционные листовки. Обвинение строилось на том, что Арсений написал в чат-бот «Легиона», администраторы чата в ответ попросили его заполнить и прислать анкету со своими данными, а потом выполнить специальные задания — ни того, ни другого мальчик не сделал. Но суд все равно посчитал, что вступление в запрещенную организацию состоялось, — и признал четырнадцатилетнего подростка террористом и экстремистом.

Сама полумифическая организация ЛСР стала экстремистской в мае 2024 года, когда в соответствующий реестр ее внес Росфинмониторинг, — а за два месяца до этого, в марте, она, по решению Верховного суда, стала террористической и запрещенной.

Полумифическая она потому, что до сих пор никто точно не знает, существует ли «Легион» физически:

о том, что из российских пленных и добровольцев сформировано отдельное воинское объединение, с украинской стороны заявлялось еще с марта 2022 года, — но до сих пор о достоверности фото и видео совершаемых им на фронте действий спорят.

Но вне зависимости от реальности или нереальности того, что он делает физически, судя по статистике приговоров в

российских судах, ЛСР невероятно активен виртуально: сотнями вербует мирных российских жителей на совершение диверсий и терактов внутри страны.

Одна проблема: большинство таких дел — а это дела, возбуждаемые обычно по статьям 205, 281 и 275 УК РФ, — ведется против людей, скорее всего, никакого отношения к «Легиону» не имеющих и даже не подозревающих, что нарушают закон.

В течение года, занимаясь делами экстремистов и террористов, я долго искала подтверждения того, что хотя бы в части из них реально — а не по приговору, не по притянутым в обход всех экспертиз выводам суда и следствия — задействована украинская сторона. Нашла.

Действительно: адвокаты, предпочитающие не называть имен — ни своих, ни их подзащитных, — говорят, что существуют такие осужденные за госизмену заключенные, которые жили или уезжали на некоторое время за границу — в безвизовые страны, скажем, Молдову. В этих странах на специальной базе они проходили обучение, которое было индивидуальным, длилось несколько месяцев и в ходе которого их специально обучали совершать диверсии и теракты. У каждого обучаемого была очень узкая специальность: кто-то учился закупать телефоны или другое оборудование, кто-то — собирать взрывчатку, кто-то — устраивать тайники. Во время учебы завербованные знакомились с человеком, который впоследствии становился их куратором, — он отдавал приказы, когда и что нужно делать. После прохождения обучения они (теперь уже — заключенные) приезжали в Россию и

занимались тем, чему их научили. А потом садились по статьям 205 (теракт), 281 (диверсия) и 275 (госизмена).



Арсений Турбин. Фото: соцсети

Такие дела есть. Но проблема в том, что процент этих — реальных — дел, по которым осуждены реальные диверсанты, явно ничтожно мал по отношению к общему количеству процессов над теми, кого еще до всяких приговоров вносят в реестр экстремистов и террористов. Точную статистику при этом посчитать невозможно — суды часто сведения о закрытых процессах по этим статьям скрывают, официальные источники занижают данные чуть ли не втрое. И из положения, которое обязывает дать хоть сколько-нибудь полную и объективную картину того, что происходит с этими делами в судах, единственным выходом мне кажется тот, который использован в этой статье.

Дмитрий Муратов**, говоря о критериях качества

журналистского текста, пересказывает обычно историю, которую когда-то привел в пример Анатолий Аграновский. История эта о том, как во время войны мальчик-разведчик принес в штаб записку с добытыми данными — и все они были поделены на три столбика: видел сам, слышал, предполагаю. Структура, которую использовал этот разведчик, вообще-то универсальна — но к такой теме, как дела госизменников из телеграмма, подходит особенно.

Так что текст этой статьи будет состоять из трех блоков: из истории конкретного осужденного, но, по моему мнению, явно невиновного «двестипятника»; из тех статистических и документальных данных, которые все же оказывается возможным собрать и сопоставить, то есть увидеть своими глазами; и из лирического отступления журналиста, который провел год, листая и перелистывая до боли похожие друг на друга дела, имя которым — «Легион».

Слышала

Сначала на фронте пропал племянник Максим. После демобилизации из армии он успел побывать дома меньше года — а свой двадцать первый день рождения отпраздновал уже на фронте. Пропал он при обстреле села Червонопоповка в Луганской области —

сослуживцы сказали: ранен смертельно, не ищите. Но какая семья вот так возьмет и безропотно поверит в смерть — тем более если тело тоже так никто и не видел, а анализы ДНК, посланные в ростовский морг, совпадений не дали.

А потом в одном из телеграм-каналов, где публикуются время от времени видео с пленными, мелькнул парень, очень похожий на Максима, — и надежда на то, что он не погиб, стала еще сильнее. Семья стала его искать — и особенно много усилий на поиски тратил дядя Максима Константин Гладков.

Костя с громкой для Белгородской области фамилией (нет, не родственник губернатора) был с племянником очень близок — и духовно, и территориально: был не только родным дядей, но и его крестным отцом и жил в соседнем доме в селе Солоти под Белгородом.

У Кости было подобие собственного бизнеса: свой экскаватор, который на заказ эксплуатировали односельчане, и мастерская фрезерной резки. Он даже сам собрал и установил у себя во дворе солнечные батареи — и хотел подключить к ним соседок-пенсионерок, чтоб меньше приходилось платить за электричество. А еще он выводил и разводил на своей плантации редкие сорта винограда. Дел со всем этим хозяйством было невпроворот — некогда было выехать даже за пределы района, а за границей Костя не был никогда. Все время нужны были рабочие руки — и очень многое они делали вместе с Максимом. А когда племянник вернулся из армии и особенно нуждался в деньгах, Костя обеспечил его работой и зарплатой — платил больше, чем самому себе: молодость должна быть сытой.



Константин Гладков на допросе. Фото из материалов дела

Когда Максим пропал, Костя и его жена Нина стали рассылать письма с просьбой о поиске везде, докуда смогли дотянуться: писали в воинскую часть, писали в военную прокуратуру, в Минобороны, писали в Красный Крест, писали Москальковой, писали военкорам и волонтерам — толку было мало. Тогда стали искать по украинским ТГ-каналам: подписались на паблики украинских фондов и волонтеров, смотрели каналы украинских военных, везде рассылали запросы, оставляя номера своих телефонов для обратной связи. В конце концов, то есть в декабре 2023 года, на Костин номер позвонили — некто, представившийся сотрудником благотворительного фонда «Слезы Донбасса», сказал, что Максим нашелся.

И поверили — не особенно пытаясь проверять, но и не на слово: такой фонд действительно был, его можно было найти во «ВКонтакте», и в материалах дел сохранились скриньи с его

описанием: «Наша организация была создана 6 апреля 2023 года в Москве. С одной целью — вернуть тех, кто отдал все за свою родину, обратно домой. Мы верим, что каждый военнослужащий заслуживает свободы и достоинства, и мы делаем все возможное, чтобы обеспечить им безопасный и благополучный возврат». Гуманистические идеалы фонда, видимо, продержались недолго — сейчас паблика с таким описанием во «ВК» уже нет.

Но тогда этот паблик был, и в этот фонд семья тоже передавала данные Максима — через человека, называвшегося военкором Арсением Рудаковым. И хотя Рудаков выходить на связь внезапно перестал, позвонившему вскоре представителю фонда поверили. Тем более что Федор — так представитель представился — передал трубку парню, чей голос был очень похож на голос Максима. Кости сказали, что племянник ранен, что он в плену, что ему требуется госпитализация и что для его транспортировки нужно прислать им 10 млн рублей.

Когда выяснилось, что у честного агронома из села Солоти таких денег нет, Федор проявил удивительную гговорчивость: предложил вместо денег оказать услугу — изготовить металлические скобы и отвезти их туда, куда скажет, а еще смешать несколько химических ингредиентов. Обращаться в полицию Федор, естественно, запретил — это же «могло помешать возвращению Максима».

Версии того, что было дальше, расходятся. На первом допросе Костя — с оплывшим лицом и надрезанным ухом, на сохранившихся фото — заклеенный пластырем в самых неожиданных местах — признавался, что исполнил и то, и другое: и ежи изготовил, и взрывчатку из селитры. Но, оправившись после первого допроса, он заявил в суде, что показания даны под пытками, никаких химических веществ он не смешивал и не хранил, а вот металлические скобы изготовил и 7 марта отвез туда, куда было сказано, — в лес около поселка

Фощеватово, в тайник. Через день из того же тайника привез оставленные для него 50 тыс. рублей. Максиму это, правда, никак не помогло.

15 марта Константин был дома один — пил послеобеденный чай, когда во дворе залаяла собака. Он открыл дверь — его уложили лицом в пол и, как он позже говорил на суде, занесли то, что позже в приговоре назовут «девятью герметичными упаковками аммиачной селитры массой 1 кг каждая» и «полимерной пятилитровой бутылкой, содержащей сыпучее вещество серого цвета». Еще нашли якобы собственноручно собранное и якобы взрывное устройство, которым Костя якобы собирался все это поджечь. И то, и другое, и третье, согласно всему тому же приговору, изъяли в ходе оперативно-разыскных мероприятий.

На допрос его везли в надетом на голову черном мешке, с руками за спиной и на корточках — садиться на пол автозака запретили. В этой позе пришлось провести несколько часов. А когда на следующий день состоялось первое заседание суда — избрание меры пресечения —

приехавшая на суд Нина не узнала мужа: щека рассечена и оплыла, ухо надрезано и отходит от затылка вместе с мочкой. Он поднял рубашку: поясница была абсолютно черной — как он сказал, от электрошокеров. Брюки закатывать не стал, но заверил, что ноги выглядят так же.



Задержание гражданина РФ в Нижнем Новгороде за госизмену. Фото: ЦОС ФСБ РФ / ТАСС

И хотя и Нина, и адвокат настаивали на возбуждении дела из-за злоупотребления служебными обязанностями, из СК пришло постановление об отказе: как сказал адвокат, суд анонимно допросил одного из присутствовавших на допросе оперативников — и тот сказал, что никакого насилия к Косте не применялось. Больше суд никаких вопросов не имел — решил, что доказательств применения насилия сотрудниками нет и показания Константин давал добровольно. А травмы он получил, видимо, неудачно упав со шконки. С кем не бывает в последнее время.

На том, первом, допросе Костя впервые же и узнал, что общался совсем не с фондом «Слезы Донбасса» — а с «Легионом «Свобода России». Что это такое — ни он, ни Нина тогда не знали; знали, что это один из ТГ-каналов, на который они подписались в поисках племянника.

Костя, и правда, писал им в чат-бот — единственное его

сообщение было таким: «Здравствуйте! Я из Белгородской обл., Валуйский район. Как с вами общаться, чтобы это было недоступно третьим лицам?» Это сообщение посчитали свидетельством того, что Костя стал участником «Легиона», — хотя никаких анкет, которые «Легион» всегда требует при вступлении, он никуда не отправлял. Да и то, как доказывалось, что переписывался он именно с «Легионом», до сих пор не понятно ни ему, ни жене: он общался с ботом по имени (...) (*название известно редакции и содержится в материалах дела — прим.ред.*) — но дело в том, что в решении Верховного суда о признании ЛСР террористической организацией указан абсолютно другой адрес (@legionoffreedom и @VDlegionoffreedom). Кто на самом деле администрирует бот, в который написал Костя, определить оказалось невозможно.

И не то чтобы идентичность «Легионов» особенно стремились доказать — как никто не попытался съездить и посмотреть, существует ли на самом деле тайник около поселка Фощеватово и как не дало себе труда следствие вчитаться в экспертизу найденной у Кости смеси. Потому что если бы оно этот труд себе дало, то стало бы ясно, что эту смесь невозможно было взорвать просто потому, что при нагревании она дает совсем другой эффект — плавления. По крайней мере, взорвать ее невозможно было тем устройством, которое якобы нашли в доме.

Но ни это, ни многое другое следствие не убедило — Костю сначала обвинили в хранении взрывчатых веществ (статья 222.1 УК РФ) и незаконном хранении оружия (223.1 УК РФ), а очень скоро — и в терроризме (статья 205.5, организация и участие), и в госизмене (статья 275).

На вопрос: «А госизмену-то за что?» — Косте, как он говорит, ответили просто и прямо: что сейчас 275-я статья идет «в комплекте».

Видела

Как уже было сказано, посчитать, сколько в стране таких, как Костя, невозможно — просто потому, что отделить жертв провокации от завербованных можно только вручную, изучая материалы каждого дела в отдельности.

Но в декабре 2024 года data-аналитик Кирилл Парубец, сотрудничающий с «Первым отделом»**, по открытым источникам собрал статистику того, сколько человек стали фигурантами дел о госизмене, конфиденциальном сотрудничестве с иностранным государством и шпионаже с 1997 года, когда вступил в силу действующий Уголовный кодекс РФ.

Выяснилось, что как минимум 1000. Как сказано в статье, «792 из них были привлечены к уголовной ответственности после начала ***. 359 человека получили реальные сроки в 2024 году». И это, как говорится, не предел — по словам одного из адвокатов того же «Первого отдела», за одно первое полугодие 2025 года таких человек уже около 200.



Фото: ЦОС ФСБ РФ / ТАСС

Но все эти данные не относятся ни к статье 205, ни к статье 281 — почти мертвым до 2022 года и воскресшим внезапным рывком после. То, насколько этот рывок был мощным, может показать другая официальная статистика: в мае у меня в руках оказались подсчеты МВД, согласно которым зарегистрированных диверсий в 2019-2020 годах не было совсем, в 2018-м — 1, в 2017-м — 3, в 2016-м — 2 и дальше в том же диапазоне.

Но будем честны: сухие цифры сухими цифрами — а гораздо больше интересует все-таки не ответ на вопрос «сколько?», а ответ на вопрос «как отличить?».

Точнее: можно ли отличить невиновных от реальных диверсантов, террористов и госизменников? Как выясняется, при ближайшем рассмотрении можно.

Если положить рядом тома двух разных уголовных дел, по одному из которых будет проходить завербованный Украиной диверсант, а по второму — жертва провокации, игра в «найди столько-то отличий» окажется довольно легкой:

- Во-первых, реальные диверсанты не общаются через телеграм. Впрочем, и через вотсап (принадлежит компании Meta, которую власти РФ сочли экстремистской) они не общаются тоже. В ход идут какие угодно другие защищенные мессенджеры, но не эти.
- Во-вторых, в случаях реальной вербовки исполнитель знаком с «куратором» лично — они знакомятся на базе, где проходят обучение. К моменту, когда диверсант попадает в Россию, они уже обменялись контактами — поэтому никаких «Федоров», неизвестных и внезапно появившихся после неосторожного комментария в какой-то из соцсетей, в личных сообщениях у них не бывает.
- В-третьих, при подготовке реальных диверсий и терактов никто не станет просить исполнителя раскладывать по чужим почтовым шкафам листовки, фотографировать автомобили с буквой «Z», поджигать релейные шкафы или забытые в депо ржавеющие локомотивы. Ибо сложно представить себе «легионера», который спит и видит пылающий остав списанной электрички.

Но между завербованными и жертвами провокаций есть и много общего, в первую очередь — пытки, которым и те, и другие подвергаются.

Их пытают одинаково: жестоко, по-животному, добиваясь одного и того же — признания. И те, и другие обязаны признать вину — вне зависимости от того, существует ли эта вина на самом деле.

При этом истязатели и тех, и других гарантированы от наказания — и эти документально подтвержденные гарантии мы тоже видели своими глазами, когда на прошлой неделе Россия заявила о выходе из Европейской конвенции против пыток.

Конечно, российские власти утверждают теперь, что все всё неправильно поняли — что это совершенно не означает легализацию пыток в стране. Говорят: у нас ведь осталась наша, отечественная, 21-я статья Конституции, по которой «Достоинство личности охраняется государством. <...> Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Но вот в чем проблема: соблюдение Конституции — это как раз то, чего российское общество не видело уже слишком давно.

Предполагаю

Если начать общаться с кем-то из белгородцев, чьи родственники и друзья обвинены в терроризме и госизмене, очень скоро окажется, что счет таких знакомых идет на десятки. Белгородская область — не самая, но точно одна из самых густонаселенных «госизменниками» территорий. Очевидно, из-за близости к передовой.

Точной статистики нет и здесь — но есть впечатления тех, кто ходит на свидания и носит передачи, кто знакомится в очередях с товарищами по несчастью и сокамерниками сыновей и мужей. Впечатление простое: таких очень много — может, не легион, но счет точно идет на десятки.

И наверное, именно из-за концентрации одинаковых трагедий становится очевиднее одна общая: эти люди, попадая за решетку, остаются один на один со стенами камеры.

О них не говорят — родные и друзья боятся либо за них, либо за себя. Но бывает и хуже: не говорят с ними самими. От них отворачиваются собственные матери, дочери, друзья, коллеги.

Логика простая: «У нас в стране просто так не сажают», — да, такое древнее поверье до сих пор живо в российской провинции. Об одной из девушек, сидящей по той же статье, говорят: собственная мать запретила бороться за ее внесение в списки на обмен, сказав: «Раз посадили, пусть посидит». Все попытки узнать об этой девушке хоть что-то провалились: на просьбу рассказать о ней никто не отозвался, хотя, по словам местных, семью ее знает все село.



Петр Горбунов. Фото из семейного архива

И даже если родные просят рассказать об их сидельцах сами, это не гарантирует того, что журналист сможет с ними работать. Чем, например, ответить на просьбу написать о Петре Горбунове — жителе села Дальняя Игуменка под Белгородом, тоже обвиненном в сотрудничестве с «Легионом» и приговоренном к 17 годам лишения свободы, — если единственным источником информации о его деле оказывается обвинительное заключение? При этом одно из главных доказательств в его деле — все те же первые показания, данные, как можно предположить, под пытками: его мать Раиса рассказывает, что на первом свидании у сына были сломаны ребра, выбиты зубы, а на руках видны были розовые полосы содранной кожи, как если бы его запястья долго были перетянуты чем-то жестким или если бы его подвешивали за руки.

Почти ничего — по крайней мере, ничего достоверно — не известно о делах Одинажон Назимовой, Софьи Рыжковой, Богдана Белого и многих других жителей близлежащих сел и поселков. Их семьи и знакомые не выходят на связь — кто из страха, кто из убежденности, что суд во всем разобрался, и раз судья сказал, значит, их сын, или дочь, или друг — и правда террорист.

«Как он мог за него не заступиться, он же был его лучшим другом!» — возмущается жена одного из таких перед его же матерью. «Ну а что, ему из-за него подставляться, что ли?» — отвечает мать. Теперь это — новая норма.

Никогда не знаешь, что может спровоцировать в России гражданскую войну и по какой границе пройдет очередное разделение на условно «красных» и условно «белых». Зато

можно быть уверенным, что холодная гражданская война идет в стране прямо сейчас — и границей между теми и этими стала тюремная решетка. Это — граница между любовью к той родине, которую показали по телевизору, и любовью к родному человеку, которого приказали считать врагом.

*Объединение признано террористическим и запрещено.

*Минюст РФ считает «иноагентами».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:



[«За что уничтожают моего ребенка?»](#)

История 15-летнего школьника Арсения Турбина, которого травили в лицее за его убеждения и потом осудили на 5 лет за распространение листовок

14:31, 26 июня 2024, Андрей Карев



[Зоннушка](#)

Портрет Надин Гейслер — девушки, которая спасла несколько тысяч человек, а потом была обвинена в госизмене

10:15, 31 июля 2025, Виктория Артемьева



[17, 16, 14 – теперь это возраст «террористов» в РФ](#)

Силовики активно ловят подростков, получивших инструкции анонимных телефонных кураторов. Подборка за декабрь

13:02, 18 января 2025, Андрей Карев